

УДК 82+821[162.1:161.2]

**РЕЛИГИОЗНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕНЦИИ
БАРОЧНОЙ ПОЭЗИИ ДАНИИЛА БРАТКОВСКОГО**

Бай Е.С.

В статье представлены религиозные и антропологические интенции творчества Даниила Братковского, поэзия которого относится к эпохе позднего барокко. Речь идет о церковной и морально-религиозной атрибутике, отношении человека к этическим и эстетическим ценностям земного и трансцендентного измерений. В работе при помощи концептуального подхода представлена антагоничность поэтических образов, мотивов, морфем, синтаксических структур и т.п. Обращено внимание на творческую интенционную систему барокко.

Ключевые слова: барокко, религиозно-антропологические интенции, концепт, сатира, ирония, интенционная система.

**RELIGIOUSLY-ANTHROPOLOGICAL INTENSIONS
OF DANILO BRATKOVSKY'S BAROQUE PROSE**

Bai O.S.

The article presents religious and anthropological intentions of Danilo Bratkovsky's writing whose poetry belongs to the late Baroque epoch. This refers to the church and morally-religious attributes, human's attitude to ethic and aesthetic values of earthy and transcendent measuring. By means of conceptual method the work represents antagonism of poetic characters, motives, morphemes, syntactic structures. More attention is paid to creative intension in Baroque system.

Keywords: Baroque, religious and anthropological intensions, concept, satire, irony, intension system.

В современном литературоведении творчество Даниила Братковского продолжает вызывать всеобщий интерес в связи с открывающимися новыми фактами о его жизненном пути, бескомпромиссностью его национальных

идеалов в творчестве и расположением польскоязычной барочной поэзии XVII века на рубеже славянских культур [3]. Цель нашего исследования – изучение религиозно-антропологических интенций его поэтического наследия.

Первым, кто во весь голос заявил о незаурядности Даниила Братковского и его творческого гения, был Самойло Величко, который в своей «Летописи» раскрыл жизненные перипетии поэта в связи со стремлением национального возрождения Украины [2]. Более поздние интерпретации изображенных в Летописи исторических событий отчасти имеют эпигонский характер.

Национальное ядро мировоззрения Братковского составляла его принадлежность к Православной Церкви и Луцкому братству (религиозный фактор), а также барочная антропология (кордоцентризм и теоцентризм в их гармоничном сочетании), что определило систему ценностей писателя. Однако это лишь направления исследования, ибо ни один писатель как личность не может уместиться в четко определенных, ограниченных рамках идей.

Петр Борек дополнительно указывает на чисто человеческий фактор поведения Братковского, видя в его взглядах больше барочной манерности, чем правды. В особенности, он отмечает: «Найденные в украинских архивах новые исходные материалы побуждают к переоценке предыдущих утверждений, – в частности, в трудах наших восточных соседей, – относительно биографии автора сборника эпиграмм... Задействованный в различных спорах на тему имений, семьи, соседей, религии, он не мог остановиться в погоне за доходами, реализацией эгоистических стремлений, даже если они воплощались не без ущерба для "ближних". Эксцессы с соседями, многочисленные избиения крестьян, а в одном случае даже доказанное убийство, демаскируют миф о Братковском как о шляхтиче, который любил подданных и боролся за их права. Случалось, что иногда он кормил крестьян, но делал это исключительно с точки зрения их пригодности для отработки барщины. Также разбой, к которому он прибегал по отношению к православному духовенству в Луцке, а тем более униатскому клеру в съемном Малине, не оставляют нам иллюзий о его "набожности". Постоянное присутствие Братковского (как стороны в спорах) в

городских книгах не указывает также на его "человечность" и мирные настроения. Имея резкую натуру, он легко впадал в эмоции и осуществлял различные насильственные действия. Сопровождала ли это глубокая и ревностная вера? Эту тему источники умалчивают» [3, с. 1117].

Выходя из критической позиции П. Борека, представленной документально, которой у нас нет причин не доверять, следует сосредоточиться именно на интенциональной системе барочного мышления поэта периода позднего барокко, не развивая исторического мифа о национальном герое и практически святом подвижнике. Считаем, что такая позиция литературных критиков будет более объективной и поможет в определении истинной ценности исследуемого материала, а не его исторических интерпретаций.

Идеал человека во времена развития барокко имел целостный характер. Это было воплощение христианских добродетелей в мужской, женской, детской, старческой сущности. В стихотворениях Братковского он еще более конкретизирован, поскольку автор описывал общественные сословия, профессии, политические карьеры своих героев, род повседневных занятий и т. д.

Понятие «человек» в поэзии Даниила Братковского соотносится с понятием «мир» исключительно в негативной наполненности этих концептов и противопоставлении их божественным истинам. Видим это, например, в стихотворении «Ten świat niewieczny, tym niestateczny». В нем автор отмечает:

Ehej, na świecie nie masz nic trwałego /
Nie masz stałego / nie masz pociesznego /
Tu dziecię kona / tu drugie choruje /
Serce Rodziców żał tyranizuje.
Szczęśliwsi (mówią) nie mający dziątek /
Dziatki suchota / wielka boleść Matek;
A którzy z sobą dziatczek nie mają /
Przedziwnie znowu mówiąc narzekają:
My nieszczęśliwi / my dziątek nie mamy /

Co dziecię kochać / z natury nie znamy.
W frasunku świecki zajrzy duchownemu;
To (mówi) żywot coż dokuczy temu;
Nie strapi dziecię / i żona nie złaje /
Jeść / pić / w czym chodzić / zawsze mu dostaje.
Duchowny zasię w swej zamkniony Celi /
Świat farbowany w oczach mu się bieli... [1, c. 158].

На ряду с несовершенством семей с детьми и бездетных родителей, представителей мирского и духовного сословий, писатель описал трудный быт солдат, бедняков, изображая в то же время богачей, которые не находят в жизни покоя.

В стихотворении «Świat» Даниила Братковского человеческое существование представлено як цепь нестабильных, преходящих явлений. В то же время это цепь связанных между собой антропологических концептов, среди кажущихся противоречий которых выделяется их общая философско-религиозная черта – непродолжительность бытия.

Króle / Hetmani / i ludzie uczeni /
Sławni / dostatni / Rycerze ćwiczeni.
Koronacje / Sejmy / i Sejmiki /
Wszystko przebiega / jak zwierz bieży dziki.
A naostatku co ma świat / zginie /
Ziemię przepali / Niebo w trąbę zwinie [1, c. 100].

Воображение поэта переносит нас на Сейм, в королевский двор, на свадьбу бедного с богатой, старого с молодой, на похороны главы семейства, богача или старшего брата, в Православную церковь, где девушки не молятся, а воздыхают по своим сужденным, в суд, на застолье и т.п. Всюду человек не находит утешения, не раскрывает своих лучших качеств, а следует за мирскими прихотями.

Человек барокко исполнен внутренних противоречий, сомнений, ищет свое место в жизни и, согласно трагизму литературного стиля, скорее всего, не

находит его, продолжая внутренний диалог с Богом о сущности бытия. Его путь осложнен непредвиденными житейскими трудностями, повседневным выбором между добром и злом, метафорикой быстротечности.

Причиной раскола духовного мира барочной среды Даниил Братковский считал не столько обстоятельства политического характера, сколько непросвещенность самих граждан Речи Посполитой, которым та приходилась матерью. Так, как стране отведено было материнское начало, так отцовскую функцию воспитания поданных в Речи Посполитой исполнял король, которому Даниил Братковский посвятил сборник своих поэтических произведений. Несмотря на критическое состояние общества и сатирический тон книги, писатель избегал критики королевской власти, то ли в действительности считая ее волей Бога, что до распространения коммунистических идей было явлением естественным, то ли дипломатически не раскрывая своего отношения к монарху и таким образом обходя требовательную цензуру. Так или иначе, его вступительная речь на честь короля исполнена эмблематического пиетета, что для шляхты было знаком добрых нравов

Единственной личностью, которая не обладает негативом, оказывается сам автор произведений – как ему кажется, справедливый и праведный, хотя и ограниченный в материальных и карьерных возможностях. Писатель обобщал собственные потребности, возводя их к потребностям украинской шляхты, которая занимала худшую общественную ступень в государственной иерархии по сравнению с польской шляхтой. Авторитет автора эпоха барокко унаследовала от риторики предыдущего периода и, как видим, непрекословно воплощала его в каждом произведении.

В отличие от антропологии ренессанса, особенности человеческого бытия во времена барокко изображались как динамический процесс, приукрашались разнообразными эмоциями, полярностью образной системы и жанровых характеристик. В этом новом климате человек занимал не центральное, а второстепенное место, уступая все почести Богу. Распространенная позиция

теоцентричности служила опорой для сохранения значения сакрального символа, что в художественном плане было особенной ценностью.

Религиозность граждан Речи Посполитой выражалась в разных конфессиональных измерениях. У Братковского это было Православие, выросшее на национальной идеи, чему способствовала активная деятельность в Луцком братстве. Тем не менее, эта сюжетная линия только вскользь, почти незаметно проскакивает в его поэзии, уступая место универсальным понятиям христианской веры. Таким образом, человек все же поднимается над условностями мира и стремится к Божественным реалиям во всех направлениях своего развития. Именно поэтому проблематика стихотворений Даниила Братковского столь разнообразна. Это не только калейдоскоп грехов, но и мозаика лучших стремлений, идеалы которых воплощены в сотериологическом пространстве.

Можем подытожить, что антропология творчества Даниила Братковского и тесно с ней связанная религиозная позиция автора сыграли ключевую роль в развитии авторской художественной концептосферы и определили жизненные прерогативы писателя.

Список литературы:

1. Братковський Д. *Świat po części przezyrzany*. Світ, по частинах розглянутий. Фототип. вид. Луцьк, 2004. 463 с.
2. Величко С. *Літопис* / Пер. з книж. укр. мови, вступ. ст., комент., геогр. та імен. покажч., упоряд. іл. В. Шевчук. Ред. кол.: О.В. Мишанич (відп. ред.) та ін. Київ: «Дніпро», 1991. Т. 2. 642 с.
3. Borek P. *Nowe materiały do biografii Daniela Bratkowskiego // Od Kijowa do Rzymu. Z dziejów stosunków ze Stolicą Apostolską i Ukrainą / Pod red. M. R. Drozdowskiego, W. Walczaka, K. Wiszowatej-Walczak*. Białystok: IBNDKE, 2012. 1186 s. S. 1103-1118.

Сведения об авторе:

Бай Елена Сергеевна – аспирант Института филологии и журналистики Восточноевропейского национального университета имени Леси Украинки, преподаватель кафедры педагогики высшей школы Академии рекреационных технологий и права (Луцк, Украина).

Data about the author:

Bai Olena Serhiyivna – graduate student, Ukrainian Institute of Philology and Journalism, Lesya Ukrainka Eastern European National University; lecturer of Higher School Pedagogics Department, Academy of Recreational Technologies and Law (Lutsk, Ukraine).

E-mail: AlonkaBai@mail.ru.